

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

Поколения XX века:
возможности исследования*

Возможности социологического исследования "поколенческого" среза исторического периода, например XX столетия, могут, по-видимому, разрабатываться в двух планах: во-первых, через изучение особенностей различных возрастных групп, во-вторых, через анализ "структуры" поколений (элитарной, символической) и ее значения.

В наличных отечественных условиях имеющиеся в нашем распоряжении данные опросов общественного мнения позволяют непосредственно представить распределение позиций возрастных групп на протяжении примерно одного десятилетия, с конца 80-х годов. Представительство различных возрастных групп в наличном населении, а значит, и в любой выборочной совокупности неравнозначно: на поколенческую ("историческую") структуру населения наложена современная ("возрастная"), разделить их можно лишь гипотетически. Кроме того, установки и оценки нынешних пожилых людей, которые могут рассматриваться как представители поколений, доминировавших в определенном периоде, претерпели несомненные изменения, возможно, в разных направлениях.

Поэтому непосредственные данные изучения возрастных срезов общественного мнения заведомо ограничены и могут быть поняты лишь через призму соответствующих аналитических допущений. (В данном случае не рассматриваются возможности использования других эмпирических источников — мемуаров, личных и литературных документов и др. — для изучения динамики поколений.) Аналогичные соображения можно отнести и к способам анализа различных аспектов "структуры" (динамической структуры) поколений — роли значимых общественных и элитарных групп, символических ресурсов и пр.

"Плавный" переход от одного поколения к другому можно представить себе только в традиционном обществе, где таковой совершается в рамках семьи. В социально-политической истории, тем более современной, посттрадиционной, насыщенной поворотами и потрясениями, массовыми надеждами, разочарованиями, комплексами и т.д., становятся возможными такие феномены, как "ключевые" поколения, задающие "тон" (ориентации, символы) на относительно длительный период, "разрывы" между поколениями (в установках и оценках), конфликты между поколениями "отцов и детей" и т.п. Только в условиях поколенческих разрывов и кризисов возникает и сама проблема поколений в различных измерениях.

Социальное значение поколения не может измеряться опытом или настроениями "большинства" или "массы", репрезентируемой в опросах общественного мнения. (Ретроспективный пример: допустим, что в первой половине XIX в. в России существовали массовые опросы, однако в них не были бы заметны ни "поколение 1812 года", ни "лицейское поколение", поскольку в обоих случаях речь идет о численно небольших элитарных группах, сыгравших огромную роль в культурной и политической истории страны.) Собственно говоря, в социологическом анализе исторического процесса мы всегда имеем дело не с "демографическим" поколением (совокупностью людей одного возраста), а с определенными значимыми "поко-

* В основе статьи — доклад на семинаре проф. Т.Шанина по проблеме поколений.

лекческими" группами или структурами (последнее понятие охватывает также механизмы и нормы взаимодействия между людьми)*.

Как можно полагать, в рамках определенного "большого" периода (длиной, скажем, в столетие, т.е. в три "зримых" человеческих поколения; более крупные масштабы социально не ощутимы) выделяются поколения, формирующие определенные значимые образцы или рамки поведения и мысли, соответствующий набор символов и пр. — значимые поколения. При этом в одних и тех же рамках возможны, разумеется, разные направления действия. Формируются поколенческие образцы значимыми группами, которые могут быть массовыми (например в ситуации массовых войн) или элитарными.

Разнозначность поколенческих групп — один из инструментов "пульсации" исторического процесса.

Поколенческий ряд XX в. Для социологического анализа поколений, сменяющих друг друга, важными представляются прежде всего временные рамки формирования (социализации) определенных возрастных групп, которые приходятся на особо значимые, переломные периоды. В XX в. в России таких периодов и, соответственно, "значимых" поколений можно насчитать *шесть*:

1. "Революционный перелом", условно 1905-1930 гг., включающий события войн, революций, "серебряного" века русской культуры и периода его преодоления. В эти бурные годы сформировались все идейные и политические направления, все идеологемы и фантазии, противостоявшие одна другой на общественной сцене. В то же время сама эта сцена — территория кровавого фанатизма, подогретого мировым конфликтом, — принципиально отличалась от общественной обстановки XIX в., со всеми его катаклизмами. Активные участники (и жертвы) переломного периода — люди, родившиеся примерно в 90-х годах XIX в. В выборочной совокупности современных массовых исследований они не представлены.

2. "Сталинская" мобилизационная система 1930-1941 гг. — формирование монолитного тоталитарного общества. Условия формирования — раскрестьянивание, урбанизация, массовый террор, массовое образование, принудительное единообразие и единомыслие и т.д. В этот период политически или физически ликвидированы все стороны противостояние предыдущей, переломной эпохи. Основные действующие лица периода родились около 1910 г. В нынешнем взрослом населении России эта группа составляет около 4%.

3. Военный и непосредственно следующий за ним послевоенный период (1941-1953 гг.) доводит тенденции предшествующей эпохи до крайних, экстремальных форм, поскольку встал вопрос о выживании тоталитарного режима в противостоянии с внешним аналогом, а также в вынужденном сотрудничестве с демократическими союзниками. В послевоенные годы это противостояние продолжено созданием идейно-политических основ "холодной войны" ("материальная" сторона соперничества, т.е. гонка новейших вооружений, приобрела значение позже, в следующую эпоху). Политические "чистки" характеризовались

* Несколько лет назад я попытался представить позиции различных поколений российского общества в процессах перемен (Левада Ю. Три "поколения перестройки" // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 3). Некоторые положения этой статьи сейчас кажутся неоправданно упрощенными, в частности характеристики элитарного поведения отнесены к целым поколениям.

военно-полицейскими кампаниями (высылками целых народов и т.п.), жертвами истребительной "идеологической борьбы" стали уже не "классовые враги", а "свои", безропотно принявшие режим и воспитанные им, но заподозренные в каких-то чуждых влияниях. Существенную роль в развитии политической ситуации в стране играла скрытая борьба за наследие стареющего диктатора. Активные участники событий эпохи — люди 1920–1928 гг. рождения, сейчас это около 7% взрослого населения.

4. "Оттепель" 1953–1964 гг. (Такое словоупотребление утвердилось в последнее время, в более строгом смысле "оттепельными" считались первые годы сдержанной либерализации режима, с 1953 г. до начала 1956 г., когда скрытая конкуренция между партийными лидерами вынуждала их выступать в качестве реформаторов. После XX съезда КПСС шумные обличения "культа" Сталина постоянно сопровождались попытками "подморозить" общественную атмосферу, чтобы не допустить дискредитации партии и режима). Формируется первое в советской истории поколение (точнее, значимая поколенческая группа), свободное от массового страха и связанное с надеждами на гуманизацию социализма. Характер и потенциал устремлений этой группы вполне укладывается в позднейшую пражскую формулу "социализм с человеческим лицом". Преимущественно это люди, не захваченные войной, т.е. родившиеся в конце 20-х — начале 40-х годов (условно 1929–1943 гг.). Сейчас они составляют 21% взрослого населения.

5. Самый длительный период отечественной истории XX в. — "застой" 1964–1985 гг., долго казавшийся удачной попыткой стабилизировать партийно-советский режим при отказе от массовых репрессий и реформ. Впервые в советской истории формируются ориентации массового потребления, массовой и "верхушечной" коррупции. Поколенческая группа "несбывшихся надежд" начала 60-х годов превращается в группу "протеста" второй половины десятилетия, что и приводит к формированию "поколения шестидесятников". Если надежды периода "оттепели" возлагались преимущественно на реформистские возможности партийного руководства (Н.Хрущева), то протестные ориентации находили выражение также и в самостоятельных действиях разных типов и даже расходящихся направлений — либеральных и диссидентских, демократических и почвеннических, национальных, религиозных и пр.

Длительность самого периода не только внешняя (количественная) его характеристика. Пришедшая к власти в 1964 г. группа определилась в своих установках примерно в 1968 г. (отношение к чехословацким событиям и их внутренним отражениям), главная из них — "никаких перемен". Попытка смены руководства в начале 70-х годов не удалась, у руля осталась самая старая в XX в. правящая команда. В дальнейшем возрастной фактор стал одной из причин развала партийно-государственной верхушки. Существенно также, что к концу периода как бы пережили самих себя не только номенклатурные руководители, но также реформистски и демократически настроенные группы. Общим итогом оказалось практическое отсутствие в 1985 г. новой политической элиты, способной реформировать систему.

"Собственное" поколение застоя — родившиеся с середины 40-х до конца 60-х годов (1944–1968 гг.). Это самая крупная по численности группа — 39% взрослого населения.

6. В годы "перестройки" и "реформ" (1985–1999 гг.) в активную жизнь вошло новое поколение, не знавшее переломов и исканий, родившиеся в конце 60-х годов (примерно с 1969 г.). Это сейчас 28% взрослого населения страны.

Предложенная схема заведомо ограничена и условна. Временные рамки поколенческих групп можно определять иначе, например принимая во внимание "переломные" группы (о них несколько позже). Используемые в данной статье определения поколенческих групп предполагают взгляд на общество как бы "сверху", со стороны элит, формирующих значимые события и периодов. Понятно, что смены поколенческих типов в наиболее массовых, "низовых" группах городских и сельских жителей детерминируются другими факторами и имеют иную хронологию, лишь отчасти совпадающую с элитарной (например, в точке "войны"). Эпохи "массовой" жизни определяются такими феноменами, как война, голод, коллективизация, паспортная система, переселение в города, введение и отмена распределения товаров по карточкам, массовое жилищное строительство в городах, быстрый рост числа автомобилей, развитие потребления в бездефицитных условиях, дефолт 1998 г. и т.п.

Показатели положения и позиций "поколенческих" групп. Обратимся к данным опросов последнего времени, позволяющим судить об установках и ценностях ряда поколений.

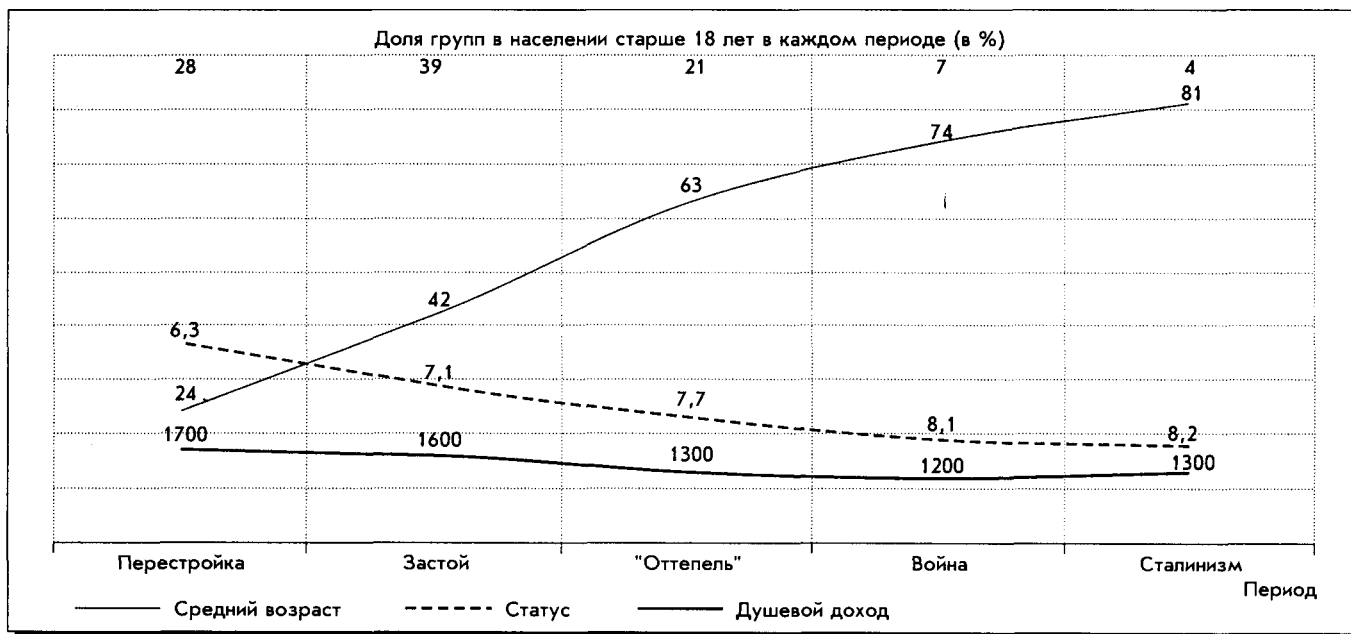

Рис. 1. Положение поколенческих групп (июль 2001 г.). Доли групп в населении старше 18 лет в каждом периоде (28%, 39, 21, 7, 4%)

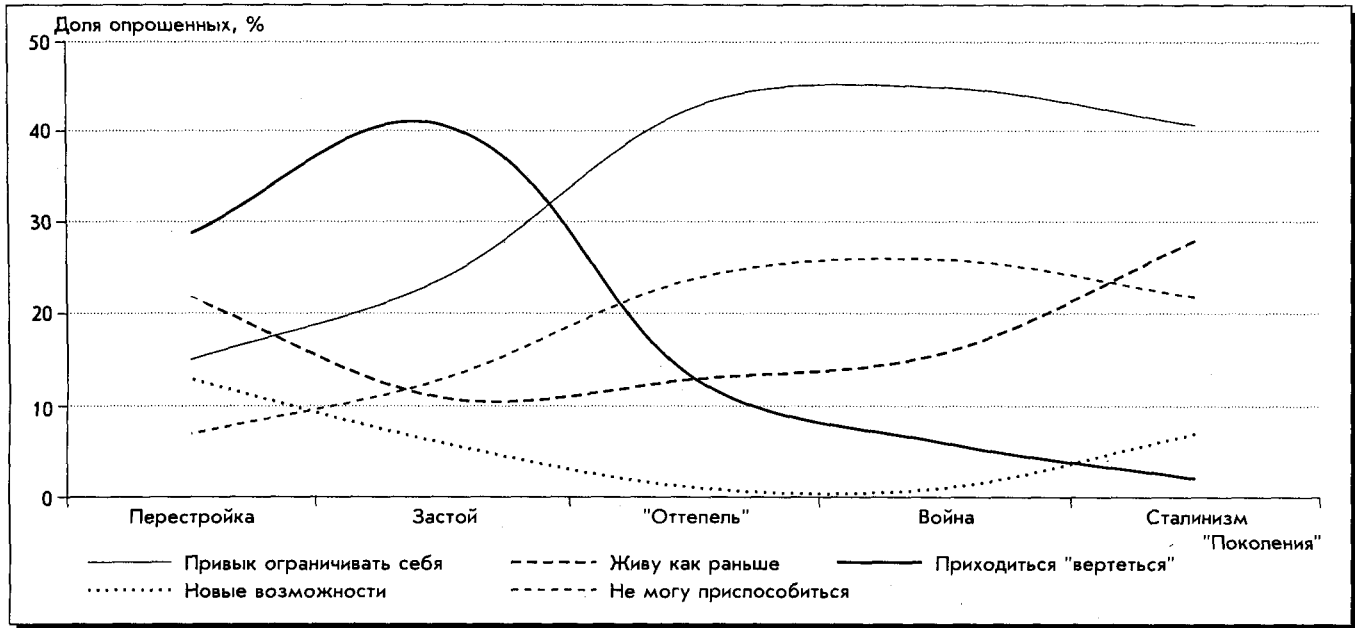

Рис. 2. Как люди устраивают свою жизнь (июль 2001 г., N=2400 человек)

Повторю уже упомянутую оговорку: на деле на рисунке 1 представлены возрастные группы *современного* населения, их соотнесение с определенными поколениями истории XX в. имеет условный характер. Для наглядности соотнесены графики изменения разных величин — годы, рубли, балльные оценки статусов.

Как видно из рисунка 1, самые молодые имеют относительно более высокие заработки (сказывается умение активно приспосабливаться) и более высокий, по собственным оценкам, социальный статус (видимо, статусные ожидания).

Сколько-нибудь активное отношение к жизни свойственно только двум наиболее молодым поколениям (охватывающим, правда, почти все работающее население), причем "повышающая" активность ("новые возможности") почти полностью сосредоточена в одной, "перестроечной" поколенческой группе (рис. 3). Чаще всего приходится "вертеться", подрабатывать и пр. (понижающая адапта-

ция) "детям застоя", сформировавшимся в годы стабильной стагнации. Для детей периода "оттепели" и более старших поколенческих групп наиболее характерны позиции — "привык ограничивать себя" (около половины опрошенных) и "не могу приспособиться" (около четверти). Представляет интерес возрастная динамика позиции "живу, как раньше": здесь максимальные (и довольно близкие — 22 и 27%) значения наблюдаются в самых молодых и самых старших группах. У первых все только начинается, нет базы для сравнений. Среди самых старших более четверти не видят изменений в своем положении — это пенсионеры, домохозяйки, среднеобеспеченные.

Социальные установки "поколенческих" групп. Обратимся теперь к ценностям, которых придерживаются люди, принадлежащие к различным "поколенческим" группам (рис. 3).

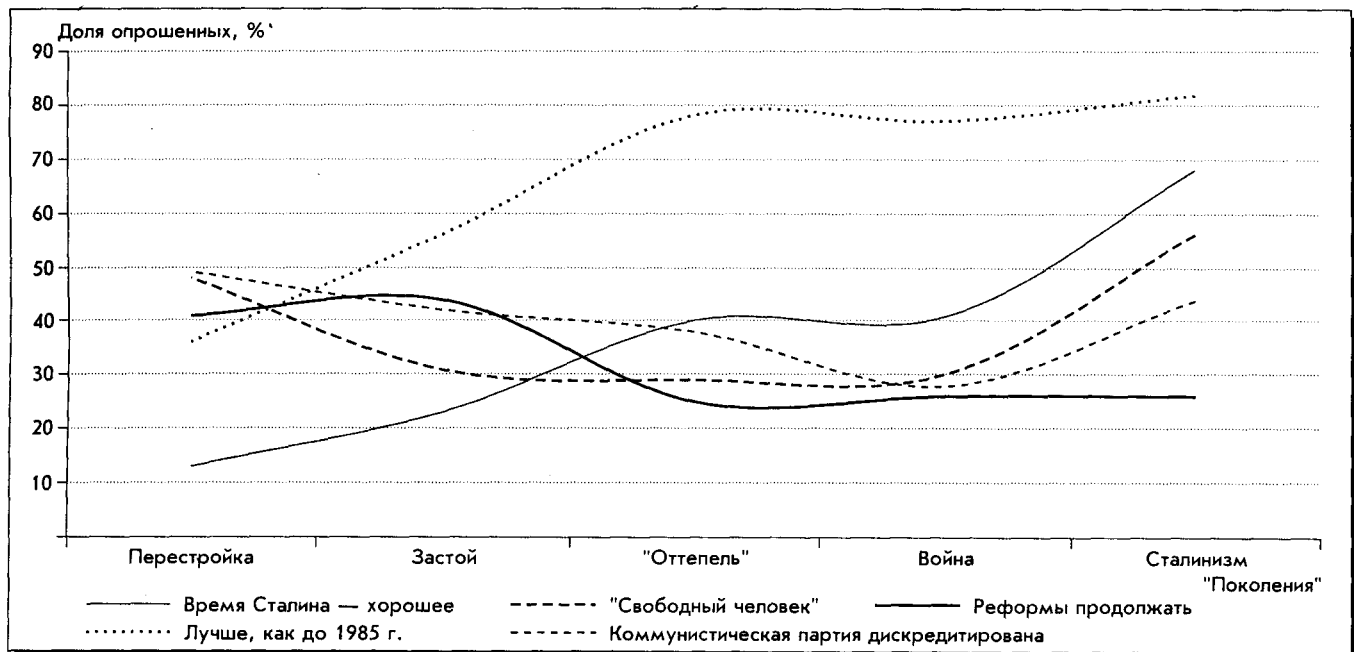

Рис. 3. Социальные установки поколений (1999 г., N=2000 человек)

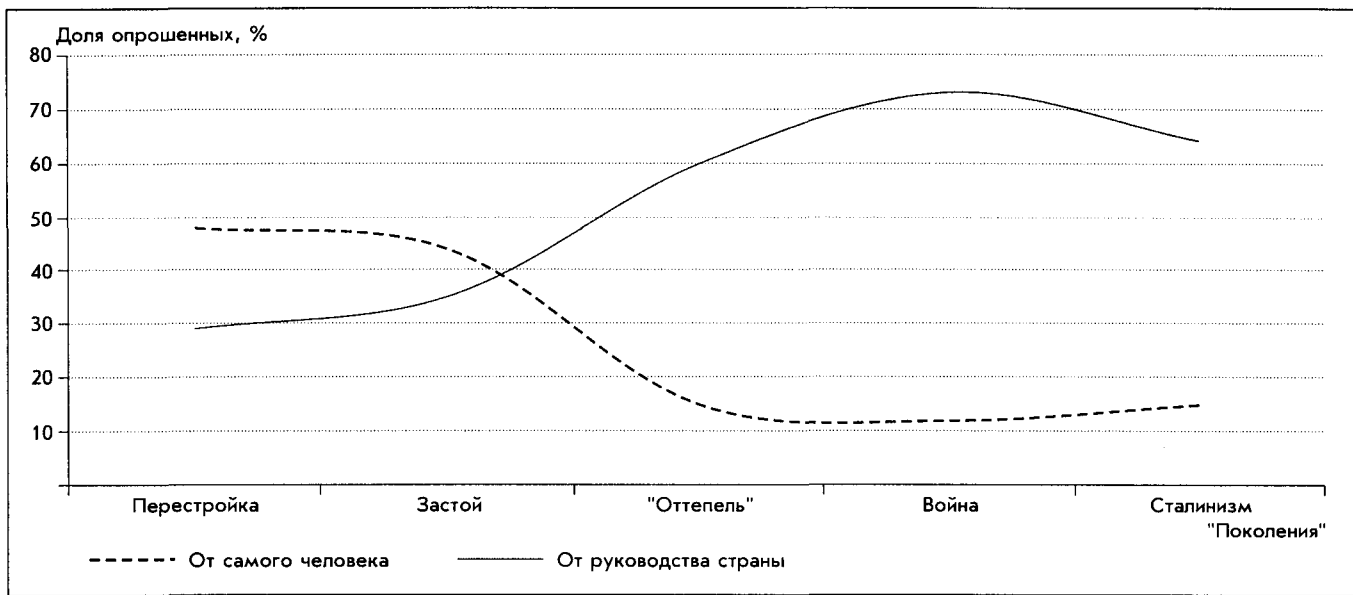

Рис. 4. От чего в основном зависит благосостояние человека? (Май 2000 г., N=2400 человек)

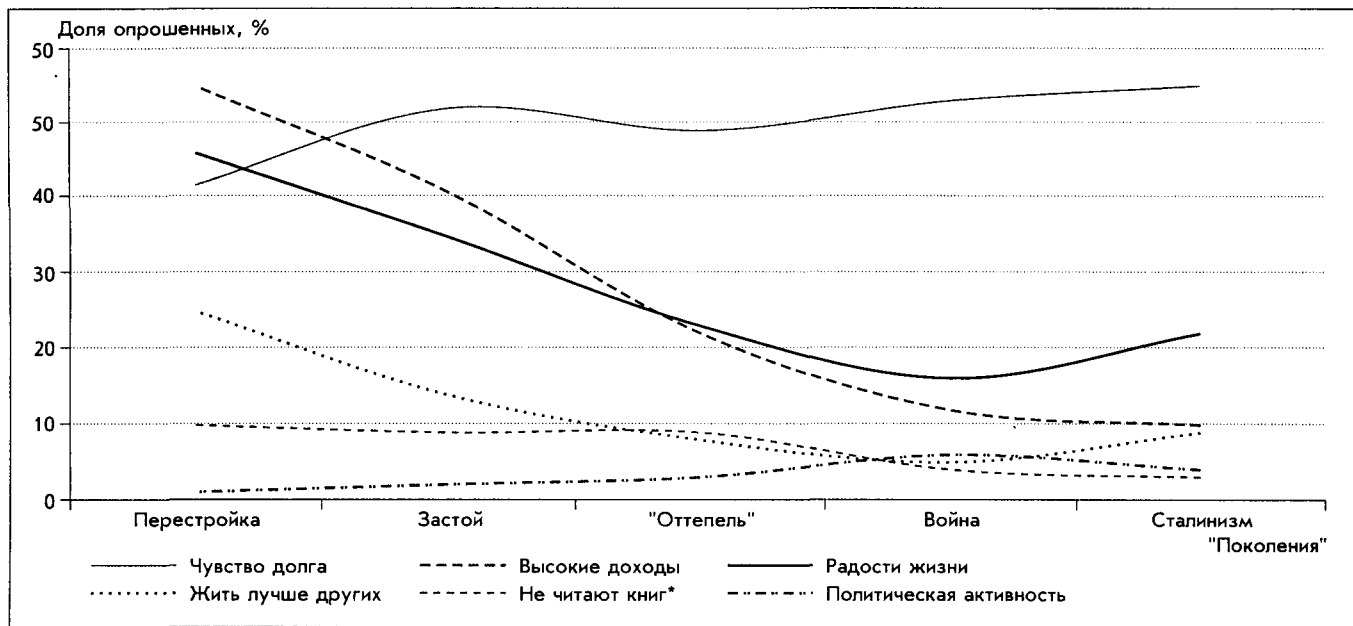

Рис. 5. Ценностные показатели поколений ("Считают очень важным...", март 2000 г., N=2400 человек)

* Май 2001 г., N=2400 человек.

Бросается в глаза параллельность изменений двух показателей социальных установок: распространенность представлений о том, что "лучше было бы, чтобы все в стране оставалось, как до 1985 г.", и что в годы правления Сталина было "больше хорошего, чем плохого". Притом, что сами эти показатели для всех поколений, кроме самого старшего, существенно различны. В обеих кривых можно отметить два перелома: в период "оттепели" и в период войны. Представление о том, что "коммунистическая партия дискредитировала себя" разделяет примерно половина самых молодых, для военного поколения эта величина уменьшается до одной трети, но в собственно "сталинском" поколении вновь возрастает почти до половины (последнее, видимо, связано с непосредственным восприятием старшей группой репрессий и пр.). Установка на продолжение экономических (рыночных) реформ, преобладающая у двух младших поколений, вдвое реже встречается во всех других группах, начиная с "оттепельной". Нако-

нец, позитивный ответ на вопрос "считаете ли Вы себя свободным человеком?" чаще всего дают самые молодые и самые пожилые. В первом случае это связано с большими возможностями, во втором, скорее всего, с ограниченными запросами.

Выражение принципиальных социальных установок, дифференцирующих возрастные группы, как будто примитивное, но довольно показательное. Доминирующая в активных поколениях демонстративная установка на собственные силы ("благосостояние зависит от самого человека") — важная черта, отделяющая эти группы от старших поколений, примета своего рода "разгосударствления" человека (рис. 4).

Значимость такой категории, как долг (по меньшей мере, декларативно) в большей степени присуща "старым" группам, чем "молодым". Напротив, ориентации на потребительские ("рады жизни") и достигательные (доход, стремление жить лучше других) ценности гораздо

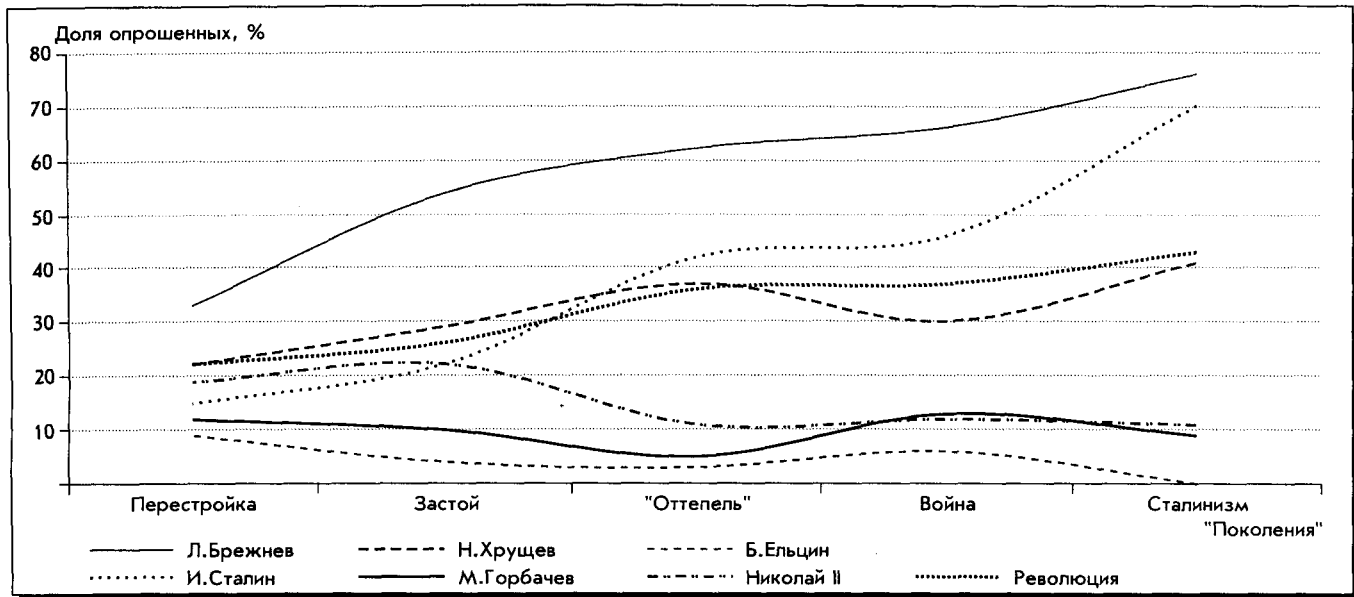

Рис. 6. Позитивные оценки периодов ("Время... принесло больше хорошего", 1999 г., N=2000 человек)

сильнее выражены у молодых поколений (рис. 5). В то же время у молодых в меньшей степени выражен интерес к политической активности. Самые молодые реже других читают...

На рисунке 6 показано, как люди в различных "поколенческих" группах оценивают периоды отечественной истории XX в.

Еще раз стоит отметить, что у самых молодых групп населения отмечается минимальный интерес не только к политике, но и к истории страны. Но и для них, как и для всех, буквально кумиром, носителем наибольших "наград" общественного мнения остается застойная, брежневская эпоха. А поскольку нынешние младшие поколения практически не знают этой эпохи, то перед нами — весьма любопытный феномен формирования и массового действия легенды об историческом периоде, заставляющей думать о том, что каждая эпоха имеет "свою" легенду о золотом веке, ту, которую она заслуживает. Конечно, массовые представления об эпохе сталинизма тоже опираются на легенду, на своего рода социально-политическую мифологию (собственное восприятие этого периода сохранилось у немногих), но это легенда иного рода, окрашенная и даже

сформированная партийно-политическими симпатиями и антипатиями людей.

Как видно на рисунке 6, всеми без исключения поколенческими группами весьма низко оцениваются времена перемен. На первый взгляд кажутся несколько странными более высокие оценки "демократических" вариантов в старших поколенческих группах. Ключ к объяснению этого, по-видимому, можно найти при более детальном рассмотрении возрастной динамики партийно-политических симпатий.

Динамика "крайних" партийных ориентации. Отметим некоторые возрастные особенности партийных электоратов (рис. 7). Для удобства в данном случае учитываются только крайние позиции — поддержка коммунистов (КПРФ) и демократов ("Яблоко" и СПС), симпатии к центристам или "партии власти" не принимаются во внимание

Бросается в глаза, что наиболее заметны симпатии к обеим крайним политическим позициям у старших поколений, молодые почти одинаково безразличны к тем и другим. Здесь мы опять видим, что наибольшая поддержка демократических сил наблюдается не у молодых, как можно

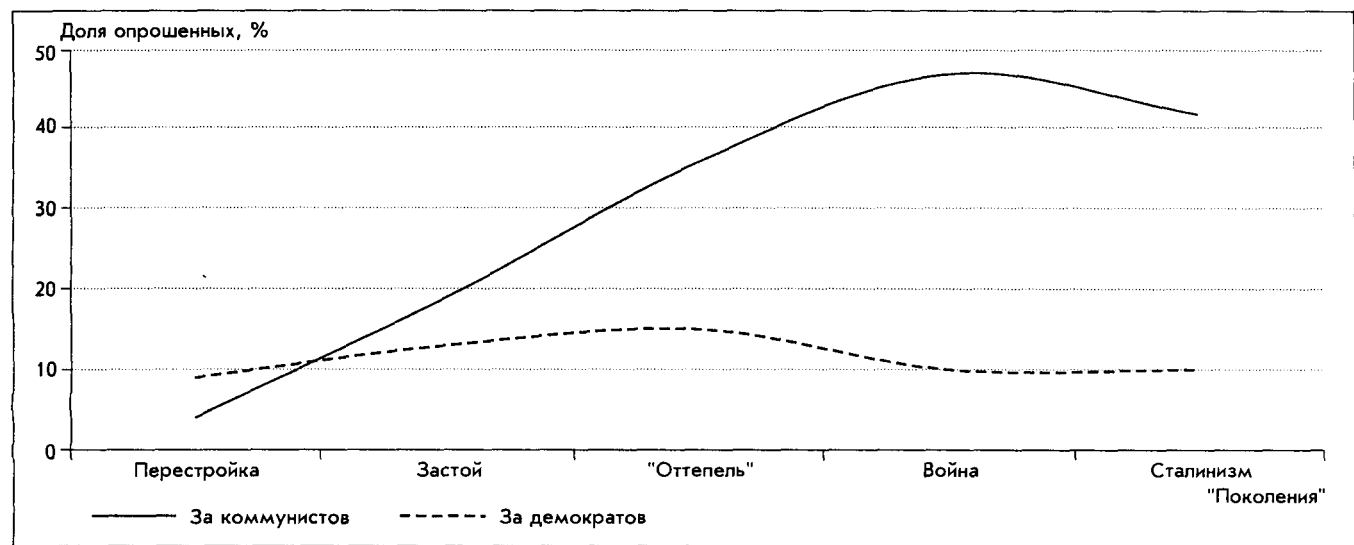

Рис. 7. Намерения голосовать за партии (1999 г., N=2400 человек)

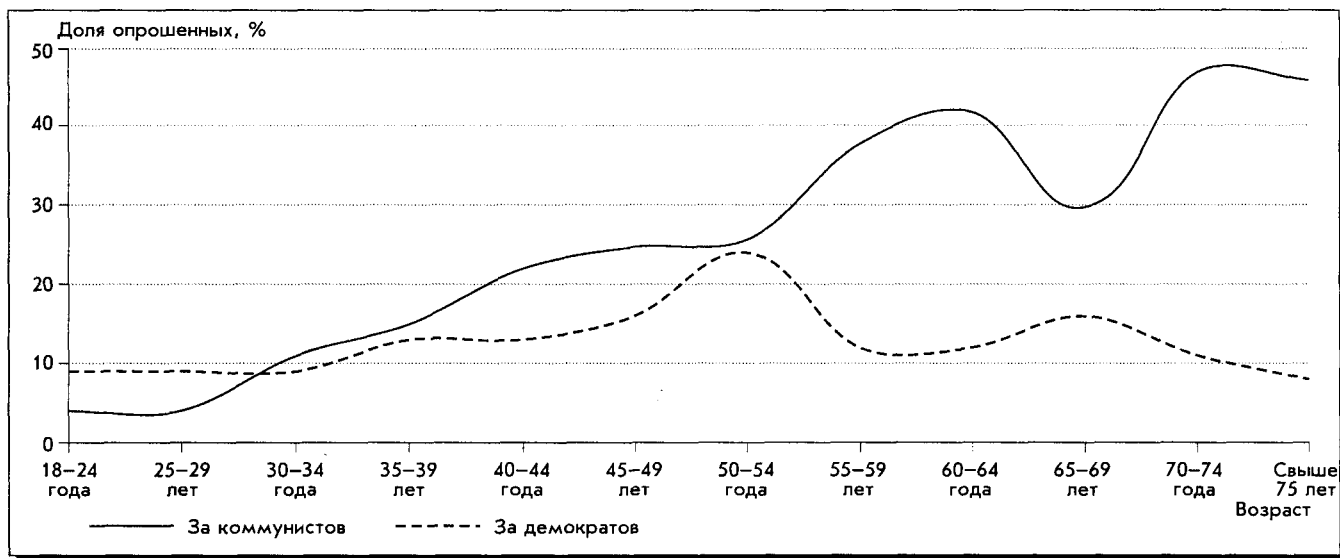

Рис. 8. Намерение голосовать за партии (пятилетние группы, 1999 г.)

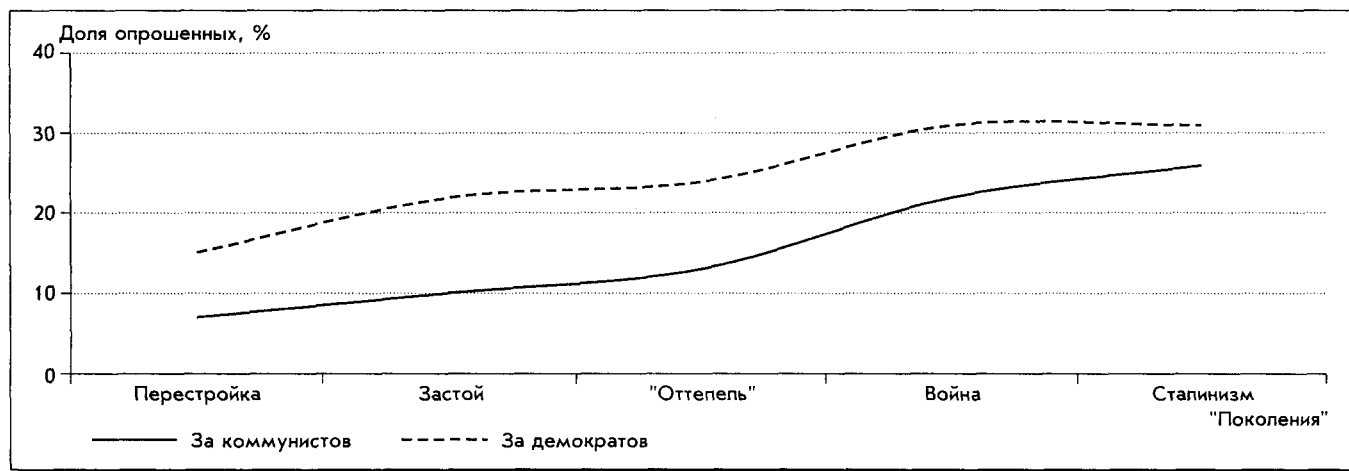

Рис. 9. Намерение голосовать за партии (Москва, 2000 г.)

было бы ожидать, а у старших, примерно 50-60-летних, т.е. в поколенческой группе, к которой относятся "младшие" (или "поздние") шестидесятники — наиболее молодые и активные представители этой поколенческой группы.

Эта тенденция лучше видна, если рассматривать более дробные показатели возрастов (рис. 8).

Общероссийская тенденция прослеживается при иных соотношениях показателей и в Москве, наиболее политизированном центре страны. В отличие от России в целом, в столице неизменно преобладают (при сравнении крайних позиций) симпатии к демократам. Но и здесь они, как и симпатии к коммунистам, снижаются от поколения к поколению (рис. 9).

Напрашивается вывод: противостояние коммунистов и демократов, составлявшее ось политической борьбы (по крайней мере, демонстративной) в прошедшее десятилетие, теряет свое значение. Демократы "перестроечного призыва", во многом прямые наследники традиций "шестидесятников", свою историческую миссию выполнили (насколько удачно — другой вопрос). Чтобы сегодня привыкать к рыночной системе или парламентскому разноречью, впрочем, довольно ограниченному, не нужно записываться в демократы, достаточно просто соблюдать лояльность по отношению к президентской власти. "Новых" же демократов, способных предложить свои спо-

собы решения современных проблем страны, не видно. Аналогичные соображения можно применить и к коммунистам: это все еще крупная общественная сила, но сила прошлого, влияющая по традиции на пожилых людей и не способная привлечь молодые поколения своими идеями и методами.

Поучительной представляется возрастная динамика отношения к сталинизму. Как видно на рисунке 6, позитивные оценки сталинского периода плавно растут с возрастом и несколько снижаются в самых старших группах. По всей видимости, "плавный рост", кстати, параллельный линии оценок правления Л.Брежневца, в данном случае означает рост интереса. А снижение — результат того, что в суммарные оценки вмешивается доля осуждения у старших, т.е. непосредственно затронутых репрессиями или военными неудачами. Это еще раз показывает, что разоблачение сталинизма осталось событием заинтересованного поколения, не стало катарсисом, по крайней мере, в осознанном виде, для общества. Отсюда и явное отсутствие общественного иммунитета по отношению к рецидивам абсолютизма.

"Переломные" поколения. В известной книге У.Джамса "Многообразие религиозного опыта" было введено понятие "дважды рожденных" (twice-born) личностей. Речь

шла о людях, которые в зрелом возрасте обращаются к какой-то новой системе мировосприятия, к иной вере, т.е. как бы заново переживают процесс социализации или аккумуляции. Нечто подобное можно усмотреть у поколенческих групп, переживающих общественный перелом как переоценку собственных ценностей. (Другие группы могут переживать тот же перелом иначе, например, как переход от согласия к оппозиции по отношению к доминирующей системе ценностей.) В российском XX в. таких переломов было два: после 1917 г. и в конце 60-х годов. В первом случае речь шла о принятии победившей системы, во втором — о расхождении (в предельных случаях — о разрыве) с ней. Продуктом первого перелома явилась "советизированная" интеллигенция, второго — "шестидесятники".

Как уже отмечалось, последняя поколенческая группа, привлекавшая значительное внимание при изучении процессов последних десятилетий, начала сознавать себя в надеждах "оттепельных" лет (самохарактеристика А. Вознесенского — "дети XX съезда"), прошла закалку в серии "заморозков" после 1956 г. и особенно после 1964 г., создала идею демократической альтернативы режиму и определенные ростки демократической и либеральной оппозиции. В этом, как сейчас можно судить, и состояла историческая функция, как бы миссия "шестидесятников". Дальнейшая судьба этой группы противоречива и в конечном счете трагична. Иллюзия причастности к власти, возникшая в начале перестройки, сменилась разочарованием в результатах перемен начала 90-х годов и едва ли не отчаянием к концу десятилетия. В значительной мере такая смена социальных настроений связана с отмеченной выше переоценкой роли демократических сил в общественных процессах.

Роль "военного" поколения во второй половине XX в. нередко служит предметом дискуссий. (Значимой группой для этого поколения, скорее всего, можно считать тех, кто прошел фронт в звании младших офицеров*; сравните с прижившимся термином "лейтенантская литература".) С одной стороны, тотальная война упрощает и огрубляет все категории мировосприятия до противопоставления "своих" "врагам", утверждает права беспощадного насилия, неизбежность массовых жертв и поэтому служит идеальной питательной почвой для тоталитарной идеологии с ее принудительным единомыслием, культом "вождя" и пр. Несомненным социально-политическим итогом войны 1941-1945 гг. стало укрепление сталинского тоталитаризма и его воздействия на людей. Но "военная" поколенческая группа, прошедшая школу ответственности, столкнувшаяся с необходимостью практической проверки указаний "сверху", у многих сформировала зерна сомнения и самостоятельной мысли. В дальнейшем часть ее представителей примкнула к более молодым "шестидесятникам".

"Закрытые" и "открытые" поколенческие группы. Представленные выше данные и соображения относятся к **социетальным**, значимым для всего общества группам. По-видимому, правомерно говорить о поколениях и механизмах их динамики также применительно к некоторым более узким, специфическим группам, действующим в профессиональных или **кастово-замкнутых** средах.

Очевидно, что это относится к военной, бюрократической, академической и прочим элитарным средам. Поскольку в них не существует постоянного механизма обновления персонала (ведущего, лидирующего), ротация кадров происходит импульсами, как бы от поколения к поколению. Длительность поколенческого периода может

при этом определяться возможностями физического выживания или какими-либо **внешними** событиями. Например, в замкнутой профессионально-военной среде смена ведущих кадров соответствует последовательности доминировавших в ближайшем прошлом конфликтов. В советские и последующие годы сменявшие друг друга поколения военного руководства составляли последовательно командиры гражданской, отечественной, афганской и чеченской (в настоящий момент) войн. (В этом находит свое подтверждение известный тезис о том, что армия всегда готовится к прошлой войне.)

"Поколенческая" ротация руководящих групп всегда была характерна для научных, "творческих" и т.п. организаций советского образца с их закрытыми, несменяемыми элитами. Смена лидерских поколений в таких группах неизбежно оказывается конфликтной, связанной с интригами и корруптивными механизмами. Пример другого типа организаций — бизнес-элиты, состав которых определяется критериями эффективности и конкуренции. Здесь неизбежна быстрая смена состава, поэтому, в частности, сейчас это самая молодая из существующих элитарных групп, где крупным руководителям может быть до 30 лет.

К типу закрытых поколенческих групп очевидно относилась и высшая (властвующая) бюрократия советского периода. Непременным условием смены правящих верхушек являлся доведенный до предела "поколенческий" конфликт: каждая новая приходящая к власти группа декларировала принципиальный разрыв с наследием предыдущей, обвиняя ее во всевозможных грехах. Под эту "музыку" последовательно приходили к власти все без исключения правящие группы с 1917 по 1999 г. Демонстративное отрицание предшественников служило средством самоутверждения для каждого нового поколения лидеров и практически мало связывалось с изменениями или преемственностью в средствах и стиле правления. В этом одна из роковых слабостей системы, не способной к нормальному воспроизводству со сменой действующих поколений.

Поколения перемен и поколения стабилизации. Существует принципиальная разница между относительной стабилизацией политических или экономических структур общества и стабилизацией на "человеческом" уровне. К последнему относится и стабилизация "поколенческого" механизма, т.е. обеспечение регулярной, бесконфликтной смены действующих лиц на социальной сцене. В некоем идеале стабильность или нормальность функционирования этого механизма исключает саму проблему поколений как в обществе, так и в отдельных его структурах. Минувшее столетие отечественной истории знало периоды относительной общественной стабильности, но ни разу, ни на одном повороте не видело стабильно действующего механизма поколенческой смены и преемственности — ни в царские, ни в советские, ни в постсоветские годы.

Монархический строй, о котором сегодня демонстративно вздыхают около 10% опрошенных, весной 1917 г. не имел ни защитников, ни реформаторов. Последовавший за ним период бурь и натисков в разных направлениях, по определению, уникален и лишен механизма собственного воспроизводства. Самый жесткий за столетие сталинский режим, построенный на костях и крови собственных подданных (и собственных лидеров), неизбежно оказался катастрофически ломким. Не мог создать механизмов собственного воспроизводства, в том числе на человеческом уровне, и наиболее длительный в XX в., захвативший почти два поколенческих цикла период "застоя". Нестабильность режима выражалась, в частности, в том, что "дети" политической элиты не хотели и не могли наследовать стиль своих "отцов".

* Замечание В.П.Данилова в ходе обсуждения.

Как известно, в России социальное время в определенном смысле измеряется и пространством: периоды прошлой истории материализованы в бесконечной периферии. Это долго позволяло советской системе подпитываться человеческими ресурсами "прошлого образца": обновлять кадры за счет провинции. Этот механизм откатил лишь в середине 80-х годов, но "по-крупному" (М.Горбачев, Б.Ельцин).

Начавшаяся после падения Ельцина эпоха вызвала надежды на стабилизацию собственного положения со стороны разных структур и сил — от ближайшего окружения бывшего президента до местных боссов и "олигархов". Пока эти надежды оправдываются в небольшой мере, примерно настолько, насколько они снижаются. (Главным способом удовлетворения любых запросов у нас, как хорошо известно, является снижение их уровня.) В данном случае нас интересует другая сторона стабилизации: может ли формирующийся режим обеспечить собственное бесконфликтное воспроизводство при смене своего "человеческого" материала или создаст новый вариант социальной стагнации, которая кончится очередным обвалом?

Ответ на этот вопрос придется искать в трех средах — в новом активном поколении, в возможностях нового режима и в изменившемся положении страны в системе мировых связей.

В ближайшие годы наиболее активной поколенческой группой станут люди, вступившие в самостоятельную жизнь в 90-е годы, т.е. родившиеся примерно в 1975—1980 г. Те, кто не только свободен от "советского" наследия и памяти о нем, но свободен и от переломов, ожиданий и разочарований последних 15 лет, от борьбы за какие бы то ни было социальные цели. Они ничего не выбрали и тем более не завоевывали, им ни к чему не нужно приспособляться. Они получили в готовом виде политические и экономические "стены" своего дома и озабочены лишь тем, как удобнее в нем устроиться. Они в основном привержены существующему "рынку" и ограниченному политическому разнообразию, но не потому, что предпочли их каким-то другим порядкам, а просто потому, что ничего другого не видели. Отсутствует у них восприятие социального прошлого как объекта принятия или отторжения, это прошлое, прежде всего советское, просто незначимо для них.

По сути дела, это первое за столетие поколение прагматиков, лишенных исторической (институционализированной) социальной памяти. Отсюда, в частности, готовность "чувств никаких не изведать", принимать не только государственные символы прошлого (гимн), но и авторитарный стиль власти, ее чеченскую политику и пр.

В странах с развитой и открытой институциональной структурой преемственность поколений не составляет социально значимой проблемы, поскольку обновление человеческого потенциала происходит постоянно, каждый работник или руководитель, менеджер попадает в сложившуюся систему отношений и норм. Не возникает поэтому и проблемы "беспамятства" молодых поколений в том виде, как сегодня в российском обществе.

Не случайно именно в поколенческой группе самых молодых, прагматичных, ориентированных на успех и благосостояние, относительно сильнее выражена поддержка президента и нынешнего стиля государственного управления, претендующего на сугубую деловитость и свободного от исторических или идеологических ограничений. Но осуществлением собственно властных функций заняты отнюдь не самые молодые: чтобы заслужить поддержку правящей элиты, требуется не только карьерный опыт, но и своего рода экзамен на лояльность, а также признание роли "старшего" ("старшего брата"). Неудача с "молодым наследником" 1998 г. (С.Кириенко) в немалой мере связана с тем, что он этим требованиям не удовлетворял.

Леонид СЕДОВ

Современное состояние партийно-политического пространства России

Особенности политической идентификации россиян. В своих опросах ВЦИОМ регулярно обращается к респондентам с вопросом относительно того, какой из политических сил они симпатизируют, предлагая единообразный набор клишированных наименований из расхожего политологического репертуара, в какой-то мере отражающего возможности политической самоидентификации россиян. Им предоставляется возможность соотносить себя с коммунистами, "демократами", "патриотами", "партией власти" и "другими центристскими силами".

Результаты последних месяцев да и более длительного периода наблюдений показывают, что примерно половина населения страны не соотносит себя с этими категориями, отвечая, что либо не испытывает симпатий ни к одной из названных "сил" (40%), либо затрудняется дать определенный ответ (10%). Однако почти четверть (23%) из них все же собирается голосовать за те или иные партии, исходя не из идейных соображений, а из личных симпатий к тому или иному лидеру или каких-то иных мотивов. Не случайно половина их отдает предпочтение формирующемуся союзу "Единства" и "Отечества", ориентируясь не столько на его туманные программные установки, сколько лично на В.Путина и на видимую мощь этого объединения.

Среди политических идентификаций, конечно же, наибольшей определенностью и количественным весом обладает коммунистическая. Более 20% опрошенных симпатизируют коммунистам и 80% из их числа отдают голоса КПРФ (остальные голосуют по-разному, в том числе 4% за "Единство"—"Отечество" или воздерживаются от участия в выборах). Такой результат можно вполне определить как "монолитное единство", если сравнить его с тем, что мы наблюдаем в группе людей, идентифицирующих себя с "демократами". Несмотря на то, что за последние 10 лет слово "демократ" значительно убавило свою привлекательность, 16% граждан России все же не стесняются именовать себя демократами (в августе 2001 г. их доля снизилась до 12%, но пока еще рано судить о том, является ли это снижением на уровень, наблюдавшийся в начале 1999 г.). Однако люди, идентифицирующие себя таким образом, не находят для себя столь же определенной партийной привязки, как это имеет место у коммунистов. Обе партии, претендующие на симпатии демократически ориентированных избирателей, собирают вокруг себя лишь четверть людей, выражающих симпатии демократам, причем делят их между собой примерно поровну; 37% "демократов" собираются голосовать за блок "Единство" — "Отечество" и даже в ЛДПР 28% ее электората причисляют себя к "демократам", и эта партия, пользующаяся поддержкой 4% населения, забирает приблизительно 8% избирателей, симпатизирующих "демократам".

В условиях такого "демократического плюрализма" электоральные перспективы СПС и "Яблока" — единственных крупных партий, по праву (исходя из удельного веса "демократов" в составе их электоратов: 40% — в СПС, 50% — в "Яблоке", 28% — в "Единстве", 19% — в "Отечестве") называющих себя демократическими — не представляются вполне лучезарными. Данные опросов последних месяцев показывают, что СПС на выборах "ближайшего воскресенья" могли бы поддержать около 6% населения и "Яблоко" — около 5% (данные за август 2001 г. показали снижение поддержки обеих партий до 3%, что, впрочем, дает по 7% от явки). Появление в этом